

РЕЧЕВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Конфликтные проявления нарушений приватности и публичности в обиходном дискурсе

Conflict Manifestations of Violations of Privacy and Publicity in Everyday Discourse

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-2-20-28

Получено: 10 сентября 2022 г. / Одобрено: 28 октября 2022 г. / Опубликовано: 26 апреля 2023 г.

Е.М. Дубровченко

Канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики английской речи,
Минский государственный лингвистический
университет,
Республика Беларусь, г. Минск,
e-mail: dubrovchenko@tut.by

E.M. Dubrovchenko

Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Theory and
Practice of English Speech,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: dubrovchenko@tut.by

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется значимостью коммуникативной дистанции в общении и необходимостью изучения типов нарушения коммуникативной дистанции, а также вербальных и невербальных средств их обозначения.

Цель статьи заключается в установлении нарушений коммуникативной дистанции в обиходном дискурсе и их анализе.

Методология, методы и методики. Основные методы исследования: гипотетико-дедуктивный метод, интерпретативный метод, контекстуальный анализ и интроспекция.

Результаты. В теоретической части рассматриваются понятия обиходного дискурса и коммуникативной дистанции, указываются компоненты в типичной ситуации нарушения приватности, приводятся классификации нарушений коммуникативной дистанции, предложенные учеными. В практической части на основе предложенных классификаций и результатов проведенного исследования предлагается авторская классификация нарушений соотношения приватности и публичности в обиходном дискурсе. Установлено, что данные нарушения являются разновекторными. Нарушения, направленные в сторону уменьшения коммуникативной дистанции, представлены более широко, чем нарушения, направленные в сторону увеличения. Коммуникант, нарушающий дистанцию, может играть как активную роль в коммуникативной ситуации, так и пассивную. Нарушения могут быть намеренными и ненамеренными. В результате проведенного анализа были выявлены способы выражения нарушений соотношения приватности и публичности в коммуникации, а также вербальные и невербальные средства обозначения выделенных нарушений.

Научная новизна состоит в разработке авторской классификации нарушений соотношения приватности и публичности в обиходном дискурсе.

Практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы специалистами, интересующимися проблемами коммуникативной лингвистики.

Ключевые слова: коммуникативная дистанция, приватность, публичность, обиходный дискурс, вербальные средства, невербальные средства.

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the importance of communicative distance in communication and the necessity to study the types of violation of communicative distance, as well as verbal and non-verbal means which describe them.

Aim. The aim of the article is to establish the violations of the communicative distance in everyday discourse and to conduct the analysis of these violations.

Methodology and research methods. Main research methods include the hypothetical-deductive method, the interpretive method, the contextual analysis and introspection.

Results. In the theoretical part the concepts of everyday discourse and communicative distance are considered, the components of a typical situation of privacy violation are indicated, the classifications of violations of communicative distance proposed by scientists are given. In the practical part, based on the proposed classifications and the results of the study, the author's classification of violations of the correlation between privacy and publicity in everyday discourse is worked out. It has been established that these violations are multi-vector. Violations directed towards reducing the communicative distance are presented more widely than violations directed towards its increasing. A person who breaks the distance can play both an active role in a communicative situation and a passive one. Violations can be intentional and unintentional. As a result of the analysis, ways of expressing violations of the correlation between privacy and publicity in communication, as well as verbal and non-verbal means of indicating the revealed violations, were identified.

Scientific novelty lies in working out the author's classification of violations of the correlation between privacy and publicity in everyday discourse.

Practical significance. The results can be used by specialists who are interested in the problems of communicative distance.

Keywords: communicative distance, privacy, publicity, everyday discourse, verbal means, non-verbal means.

Введение

Данная статья посвящена изучению нарушений коммуникативной дистанции в обиходном дискурсе. Актуальность изучения конфликтных проявлений нарушений приватности и публичности в бытовом общении объясняется влиянием коммуникативной дистанции на ход коммуникативного процесса. Гипотеза исследования может быть сформулирова-

на следующим образом: нарушение коммуникативной дистанции в обиходном дискурсе вызывает отрицательные эмоции, а также может приводить к конфликтным ситуациям.

Цель исследования заключается в установлении нарушений приватности и публичности в бытовом общении и выявлении вербальных и невербальных средств выражения этих нарушений.

Обзор литературы

Методологическую основу исследования представляют работы в области антропологической лингвистики [6], теории дискурса [7; 9], лингвокультурологии [8], психолингвистики [2], теории коммуникации [10–12], проксемики [13], психологии [5] и юриспруденции [1; 16; 17].

Обиходный дискурс является разновидностью личностно-ориентированного дискурса, участники которого хорошо знают друг друга и раскрывают друг другу свой внутренний мир [7, с. 193]. Специфика бытового дискурса, по мнению В.И. Карасика, заключается в «стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна» [там же]. Повседневный бытовой разговорный дискурс является, как считает М.Л. Макаров, наименее структурированным из всех типов дискурса и имеет следующие отличительные черты: ориентация на процесс, минимум речевых ограничений, относительно свободная смена коммуникативных ролей, большая обусловленность непосредственным контекстом, примат локальной организации, наличие большого количества целей, имеющих локальных характер [9, с. 175–176].

В.И. Каасик, анализируя коммуникативную точность, предлагает рассматривать общение с позиций его креативности или рутинности [6, с. 7–8]. Обиходному дискурсу присущ принципиально рутинный характер [6, с. 9]. К отличительным признакам рутинного дискурса ученый относит: 1) тематическую ограниченность бытом; 2) использование сокращенного кода; 3) высокую предсказуемость содержания; 4) плавную речь участников; 5) большое количество заместительных слов и выражений; 6) герметичность, или исключение посторонних [6, с. 9–11].

Бытовое общение предполагает решение обиходных проблем и поддержание контакта. В обиходной коммуникации используется ограниченный код как в отношении тематики общения, так и в отношении языковых средств, а также речевых жанров и актов [6, с. 9]. Характерной чертой выступает плавная речь коммуникантов, им не приходится подбирать слова и редактировать свои высказывания, они просто передают сообщение. В такой коммуникативной ситуации важна не точность, а скорость передачи сообщения, использование любого знака, который будет понятен адресату. Существенным признаком является герметичность, т.е. общение в кругу хорошо знакомых людей [6, с. 10].

В обиходном дискурсе большую роль играет невербальное общение. Невербальные компоненты, как отмечает И.Н. Горелов, оказывают значительное

влияние на форму и смысл верbalных компонентов [2, с. 9]. По мнению ученого, говорящий «реализует (вполне материально, разумеется) некоторую коммуникативную программу, «накладывая» на нее вербальную форму», «“убирая” все вербально-избыточное, дублирующее иные, невербальные средства понимания» [2, с. 70]. Для анализа нарушений соотношения приватности и публичности в коммуникации необходимо учитывать как вербальные, так и невербальные компоненты.

Под коммуникативной дистанцией в работе понимается «область пересечения физического, социального и психологического пространства» [4, с. 70]. Физическое пространство представляет собой геометрическое расстояние между говорящими. Социальное пространство определяется общественным положением коммуникантов и ситуативными ролями, в которых они выступают в определенной ситуации общения. Психологическое пространство обозначается степенью психологической близости и зависит от межличностных отношений. Все эти факторы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Крайние точки коммуникативной дистанции образуют сферу публичности и сферу приватности. Коммуникант «переходит» из одной сферы в другую в зависимости от типа коммуникативной ситуации, своей коммуникативной роли, условий протекания коммуникативного процесса, отношений с собеседником, а также содержания передаваемой информации.

Нарушения коммуникативной дистанции рассматриваются в проксемике. Э. Холл обозначил нормы приближения к партнеру по общению, характерные для американской культуры: интимное расстояние (0–45 см); персональное расстояние (4–120 см); социальное расстояние (120–400 см); публичное расстояние (400–750 см) [13, с. 116–125]. Расстояние между собеседниками свидетельствует о характере их общения, эмоциональном состоянии в момент общения, а также социально и культурно обусловленных особенностях их коммуникации.

Следует отметить личностный фактор в восприятии нарушений соотношения приватности и публичности. Дж.К. Бургун вводит понятие «порог угрозы», объясняющее разный уровень толерантности по отношению к расстоянию между коммуникантом и нарушителем. Индивид с высоким порогом угрозы чувствует себя хорошо, находясь на близком расстоянии от нарушителя, в то время как человек с низким порогом угрозы ощущает себя в аналогичной ситуации некомфортно [11].

В свете рассмотрения коммуникативной дистанции заслуживает внимания теория нарушений невербальных ожиданий (*Nonverbal expectancy violations theory*), разработанная в рамках теории коммуника-

ции Дж.К. Бургун [12]. Исследователь отмечает зависимость восприятия нарушения дистанции от отношения к человеку, который эту дистанцию нарушает. Нарушения дистанции между собеседниками могут восприниматься как положительно, так и отрицательно. «Положительные нарушения» вызывают положительное отношение к нарушителю, «отрицательные» — отрицательное. При положительном восприятии нарушений личной дистанции коммуникант отвечает взаимностью, при отрицательном — пытается противодействовать вторжению в его приватную сферу [12]. В нашем исследовании мы рассматриваем ситуации, в которых коммуниканты отрицательно воспринимают нарушения коммуникативной дистанции, поскольку положительное восприятие не является конфликтным.

Для психологически комфортного общения необходим оптимальный уровень приватности, т.е. баланс между желанием побывать одному и стремлением к взаимодействию в социуме [15]. Если фактический уровень приватности значительно превышает оптимальный, то человек испытывает чувство изолированности; если фактический уровень приватности оказывается ниже желаемого, человек испытывает раздражение и переполненность социальными контактами [15].

Исследователи в области теории коммуникации отмечают, что «пространство, которое человек создает в ходе межличностного взаимодействия с его горизонтальными, вертикальными и территориальными измерениями, является фактором, влияющим на успешность или неуспешность конкретного взаимодействия, его характер и перспективы» [10, с. 352]. На физическом уровне к «своей» территории человек может относить свою комнату, свой кабинет, рабочий стол, место в автобусе, столик в кафе и т.п. На эмоциональном уровне — право на собственное настроение, собственное отношение к предметам, явлениям или людям. На ролевом уровне — право на выбор профессии, рода занятий, индивидуальный способ выполнения своей работы [там же].

Приватность имеет не только морально-этическое, но и юридическое значение [14]. Право на приватность закреплено на законодательном уровне, нарушение этого права преследуется по закону. С. Уоррен и Л. Брандейс в статье «Право на приватность», представляющей собой одну из самых влиятельных работ в истории американского права, отметили «право на одиночество» [17]. А. Вестин, анализируя приватность, также, как и С. Уоррен и Л. Брандейс, рассматривает приватность в качестве права человека в демократическом обществе [18].

Интересной представляется таксономия приватности, предложенная Д. Солове [16]. В результате

анализа судебных прецедентов США ученый разработал следующую классификацию нарушений приватности.

I. Сбор информации (*Information Collection*) (здесь и далее перевод наш. — Е.Д.), включающий в себя следующие типы нарушений: 1) наблюдение (*Surveillance*); 2) расспросы (*Interrogation*).

II. Обработка информации (*Information Processing*): 1) агрегирование (*Aggregation*); 2) идентификация (*Identification*); 3) ненадежное использование (*Insecurity*); 4) вторичное использование (*Secondary Use*); 5) исключение (*Exclusion*).

III. Распространение информации (*Information Dissemination*): 1) разглашение секретной информации (*Breach of Confidentiality*); 2) обнародование (*Disclosure*); 3) демонстрация (*Exposure*); 4) повышенная доступность (*Increased Accessibility*); 5) шантаж (*Blackmail*); 6) присвоение (*Appropriation*); 7) искажение (*Distortion*).

IV. Вторжение (*Invasion*): 1) проникновение (*Intrusion*); 2) вмешательство в принятие решений (*Decisional Interference*).

Д. Солове приходит к выводу о том, что в юридическом контексте приватность является формой защиты от определенных действий, которые причиняют вред. Исследователь подчеркивает, что не все действия, нарушающие приватность, являются «социально нежелательными» и требующими принятия санкций или введения запрета, что вызывает ряд затруднений при анализе нарушений приватности [16, с. 559].

Нарушения коммуникативной дистанции — нарушения личного пространства, при которых человек испытывает дискомфорт. О.А. Прохвачева выделяет следующие компоненты в типичной ситуации нарушения приватности: 1) участники ситуации; 2) действие со стороны одного из участников (это действие может быть как верbalным, так и невербальным); 3) реакция участника-«жертвы» на это действие; 4) реакция первого участника на реакцию участника-«жертвы» [8, с. 103].

Опираясь на данные, полученные в результате опроса информантов, О. А. Прохвачева предлагает следующий список ситуаций возможного нарушения приватности: 1) нарушения, связанные с распространением личной информации или стремлением ее получить; 2) нарушение права человека на одиночество; 3) вторжение в чужие дела; 4) вторжение на чужую территорию; 5) нарушения, связанные с личными вещами или вещами, которые имеют отношение к человеку; 6) нарушения, связанные с личными моментами, моментами приватности; 7) нарушения, связанные с личными взаимоотношениями [8, с. 103–104].

Методы и материал исследования

В ходе работы применялись следующие методы исследования: гипотетико-дедуктивный, интерпретативный, а также контекстуальный анализ и интроспекция. Исследование выполнено на материале эпизодов из видеофильмов, иллюстрирующих ситуацию нарушения соотношений приватности и публичности в коммуникации. Видеофрагменты позволяют делать выводы как о вербальной организации высказываний, так и о невербальных компонентах.

Результаты и их обсуждение

В результате анализа классификации уровней пространства (М.А. Василик), таксономии приватности (Д. Солове), списка нарушений приватности (О.А. Прохвачева), а также результатов нашего исследования были выделены три основные группы нарушений соотношений приватности и публичности:

- 1) территориальные (физические) нарушения, связанные с выбором некорректной коммуникативной дистанции;
 - 2) информационные нарушения, заключающиеся в разнообразных действиях с личными данными (сбор, передача, распространение и т.п.);
 - 3) интеракционные нарушения, имеющие место в сфере взаимоотношений между коммуникантами.
- Следует отметить, что нарушения коммуникативной дистанции являются разновекторными и разделяются на два типа:
- a) нарушения, направленные в сторону сокращения коммуникативной дистанции;
 - b) нарушения, направленные в сторону увеличения коммуникативной дистанции.

Нарушения, вектор которых направлен в сторону сокращения коммуникативной дистанции

1. *Территориальные (физические) нарушения.* К данной группе нарушений мы относим проникновение на территорию, которую собеседник считает своей, нежелательный визит, продолжительный визит, пользование чужими вещами, сокращение физической дистанции между коммуникантами, а также нежелательный физический контакт (похлопывание, прикосновение, объятие и т.п.). Рассмотрим некоторые из них.

Нежелательный визит

Если кто-то приходит не вовремя, визит причиняет хозяину неудобство. Обратимся к эпизоду, в котором вечером за ужином семья Марти Берде слышит стук в стеклянную раздвижную дверь и видит детектива Мела.

Mel: I think your doorbell's broken.

Marty: Jesus Christ. This guy. [Встает из-за стола, идет к двери, но не открывает ее.] We're having dinner, okay?

Mel: I...I just need a second.

Marty: Well. It's sacred time, we're eating. (Ozark, season 4, episode 1)

На нарушение приватности указывает как вербальное, так и невербальное поведение хозяина. О его недовольстве свидетельствует выражение лица и восклицания *Jesus Christ. This guy.* Марти не хочет впускать Мела в свой дом, поскольку разговаривает с ним через закрытую дверь, которая является барьером, защищающим приватность семьи. Вопрос *We're having dinner, okay?* не требует в данном случае ответа, а указывает на стремление окончить разговор. На просьбу Мела поговорить Марти отвечает, что это святое время, и повторяет, что они ужинают.

Злоупотребление гостеприимством

Данный вид нарушений иллюстрирует сцена, в которой хозяин дома, Марти, заходит в гостиную, где Бен, брат его жены, смотрит телевизор. Бен живет в доме Марти уже несколько дней. Услышав приветствие Марти, Бен выключает телевизор, а Марти садится напротив него.

Marty: Um, listen, Ben, I've been thinking a lot about this [clears throat]...and I think that the, uh, best thing to do is to just be completely honest with you. Um...[inhales] This is not a good time for us here in this house. Uh, there's — There's a lot going on. Um, Wendy ... uh, has not been herself. Um...

Марти с трудом подбирает слова, о чем свидетельствуют многократно повторяемые междометия, указывающие на внутреннее состояние Марти, и незаконченное предложение. Марти собирается сказать Бену то, что ему будет неприятно услышать, и боится обидеть его. Невербальное поведение Марти подтверждает, что он чувствует себя неловко: часто опускает глаза, не смотрит на Бена, простирает горло, глубоко вдыхает воздух и делает паузы. Бен, наоборот, кажется спокойным, он внимательно смотрит на Марти, почти не отводя глаз, и в одном предложении формулирует основную мысль, которую Марти пытается донести до него в нескольких предложениях.

Ben: Are you asking me to leave?

Marty: [кивает] Thank you for understanding.

Ben: But I don't understand. Honestly, this is the first time I've recognized my sister in years.

Marty: Well, you know... I need you to go, okay, Ben? I need you to go, and if money is an issue... (Ozark, season 3, episode 2).

В начале разговора Марти пытается сказать Бену о злоупотреблении гостеприимством при помощи намека. Когда такой способ оказывается неэффективным, Марти прямо заявляет Бену о нежелатель-

ности его визита, он повторяет это дважды, что свидетельствует о недовольстве и желании выгнать гостя.

Сокращение физической дистанции между собеседниками

Саймон Дермott сидит с Николь за столиком в ресторане. Во время разговора он подсаживается слишком близко к ней.

Simon: Oh, I forgot. Why don't you show me the real Paris?

Nicole: Yeah, well, I only have two inches left of this bench. (How to Steal a Million)

Николь испытывает дискомфорт и вынуждена сказать об этом. Она не указывает на нарушение прямо, а деликатно сообщает о том, что у нее мало места.

Прикосновение

Прикосновение может восприниматься позитивно или негативно [10, с. 60]. Прикосновение к другому человеку без его желания противоречит нормам поведения и является нарушением. Такое нарушение может быть как случайным, так и намеренным. Обратимся к эпизоду, в котором младший брат, желая поддержать старшего брата в трудной жизненной ситуации, хлопает его по плечу. Старший брат решительно пресекает такое проявление участия словами: “*Don't pat me, don't pat me, I'm your big brother!*” (*The Judge*).

Данный пример иллюстрирует нормы поведения, принятые в семье: старший брат считает, что он должен заботиться о младшем, а не наоборот. Старший не должен проявлять слабость, и похлопывание по плечу кажется ему неуместным, о чем он говорит, используя повелительное наклонение. Он повторяет это дважды, повтор выполняя усиливающую функцию и указывает на эмоциональное состояние старшего брата.

2. *Информационные нарушения*. К данной группе нарушений мы относим ситуации, связанные со сбором информации о человеке (разглядывание, наблюдение, преследование, подслушивание), выпытывание личной информации о самом собеседнике или о третьих лицах, разглашение и распространение личных секретов.

В некоторых ситуациях нарушитель не вступает в коммуникацию с «жертвой», он старается быть незаметным, выполняя роль наблюдателя. Такая роль характерна в ситуациях наблюдения, разглядывания, слежки, подслушивания.

Разглядывание

Прямое разглядывание, взгляд в упор «противоречит культурной норме», которая должна «выступать в качестве защитного механизма, обеспечивающего поддержание приватности» [1, с. 106]. М. Мерло-Понти считает, что «чужой взгляд лишает

субъективности, превращая тело в объект, вещь» (цит по: [1]).

В качестве примера данного вида нарушений приведем ситуацию, которая происходит в доме Майкла Макфлая, 17-летнего подростка. Майкл в недоумении наблюдает за тем, как Бифф Таннен, руководитель его отца Джорджа, грубо разговаривает с Джорджем, издеваясь и насмехаясь над ним. Пристальный взгляд Майкла не нравится Биффу, и свое недовольство он выражает вопросом: *What are you looking at, butthead?* Бифф даже не дожидается ответа, потому что не заинтересован в нем, его цель заключается в указании на нарушение и выражении своих эмоций (раздражения и возмущения). Отрицательное восприятие данного нарушения подчёркивается оскорбительным обращением *butthead* (*Back to the Future*).

Преследование

Примером преследования, когда «нарушитель» следует за «жертвой» может служить эпизод из фильма «Завтрак у Тиффани», в котором Док, муж Холли, преследует Пола Варжака, влюбленного в Холли: Док идет за ним по улицам, в парке он подходит и садится на скамью рядом с ним, хотя вокруг них много свободных мест.

Varjak: All right. What do you want? (Breakfast at Tiffany's).

All right указывает на то, что Пол Варжак готов поговорить с преследователем, а его вопрос показывает, что он чувствовал преследование и старается выяснить причину.

В группу информационных нарушений входит ряд ситуаций, в которых нарушитель играет активную роль, пытаясь узнать необходимую информацию, распространить ее или порассуждать о личных делах других людей.

Расспросы

Данное нарушение иллюстрирует диалог между кассиром и Кевином:

Cashier: Are you here all by yourself?

Kevin: Ma'am, I'm eight years old. You think I would be here alone? I don't think so.

Cashier: Where's your mom?

Kevin: My mom's in the car.

Cashier: And where is your father?

Kevin: He's at work.

Cashier: What about your brothers and your sisters?

Kevin: I'm an only child.

Cashier: Where do you live?

Kevin: I can't tell you that.

Cashier: Why not?

Kevin: 'Cause you're a stranger (Home Alone).

Кассиру кажется, что мальчик пришел в магазин один, и она задает ряд вопросов, считая, что имеет на это право в ситуации «взрослый — ребенок». Все

вопросы, за исключением, первого, специальные, построенные по одному образцу. Получив ответы на первые четыре вопроса, кассир уверена, что Кевин будет отвечать на все вопросы, но мальчик вежливо отказывается назвать свой адрес, используя модальный глагол *can't*. На вопрос «Почему?» он прямо заявляет, что она для него незнакомый человек, а следовательно, она не имеет права задавать вопросы личного характера.

Сплетни

В эпизоде из сериала мы видим, как Микаэлу, пытающуюся разобраться в личной жизни Силя Бута, резко прерывает Закари.

Michaela: Apparently, they live together a few days a week. But he was very clear that she has her own place.

Zac: Should you be intruding into their lives like this?

Michaela: Oh, yeah. Apparently. (The Bones, 1 season, episode 2).

Замечание Закари, сформулированное в вопросительной форме, указывает на вмешательство в жизнь других, а *like this* указывает на непорядочность таких рассуждений.

3. *Интеракционные нарушения*. Нарушения данной группы связаны с нарушением правил и норм ведения диалога (перебивать, не давать возможности высказать свое мнение и др.), а также предполагают вмешательство в жизнь и отношения других людей (чрезмерная опека, навязывание общения, оказание коммуникативного давления [3]).

Вмешиваться в разговор других людей

Рассмотрим фрагмент диалога между Эмили и Дэвидом, в который вмешивается Микаэла.

David Boreanaz: Oh, so only a woman can know a woman. I thought women wanted us to understand them.

Emily: Not really.

Michaela: A magician never wants to reveal her tricks.

David Boreanaz: We're having a private conversation. (The Bones, 1 season, episode 2).

Микаэла задает вопрос, касающийся личной жизни Дэвида. Дэвид не отвечает на вопрос, а прямо заявляет, что у него с Эмили личный разговор, и отворачивается от Микаэлы.

Навязывание своего общения

Проанализируем эпизод, в котором в самолет садятся пассажиры. Джон Оттоуэй сидит на месте прохода, к окну пытается пройти Флэннери. Флэннери делает это неаккуратно и шумно, толкается и все время разговаривает.

Flannery: Sorry, bro. Sorry, man, sorry. It is as cold as it <...> has ever been, huh? [Рассказывает, как в таком холода принимал душ, используя нецензурную лексику.] <...>. I even didn't think that <...> was possible. You got a girl back in Anchorage?

Ottway: No.

Flannery: Oh, well. I got me a few. Went out to get the scrape. At least that's what she told me. She's been hitting me up for the money ever since. I'm like <...> "I'll split it with you, whatever". I'm Flannery, by the way. Todd. You're Aman, right?

Ottway: Ottway.

Flannery: Oh, oops! Sorry, bro. Ottway, yeah. So, you blast critters for a living, huh? You do some of that snipe issue. What's the biggest piece of game you've taken down? Like a kodiak? You know, I saw that documentary, that asshole did. You know, the fag who loves bears...

Ottway: Listen. Listen, pal. I don't wanna talk. I need some quiet. So, I'm just gonna put head back, okay?

Flannery: Yeah, that's cool. That's cool. (The Grey).

Мы видим, что Оттоуэй не склонен разговаривать, он даже не смотрит на Флэннери и однозначно отвечает на его вопросы. Флэннери, в свою очередь, слишком много говорит: извиняется за свою неловкость, повторяя *Sorry* три раза, комментирует погоду, рассказывает в подробностях о том, как он принимал душ, и о своем отношении к морозу. Он интересуется, ждет ли Оттоуэя девушка, и, услышав однозначный ответ «нет», начинает рассказывать о своей личной жизни, о том, что его девушка просит у него денег, и о намерении расстаться с ней. Только после этого он представляется и пытается вспомнить, как зовут Оттоуэя. Затем он меняет тему разговора и начинает говорить о снайперской работе и о фильме о диких животных, рассчитывая, что это заинтересует Оттоуэя, но Оттоуэй прерывает его. Оттоуэй прямо заявляет о том, что не хочет разговаривать, ему нужен покой. Для привлечения внимания используется повелительное наклонение и повтор (*Listen. Listen*). Свое желание он передает при помощи простых предложений, использует синтаксическую анафору (*I don't wanna talk. I need some quiet. So, I'm just gonna put head back, okay?*).

Нарушения, вектор которых направлен в сторону увеличения коммуникативной дистанции

1. *Территориальные нарушения* имеют место, когда коммуниканты находятся далеко друг от друга, и величина дистанции препятствует комфортному общению. Пример территориального нарушения мы видим в фильме «Как украдь миллион», когда Саймон, находясь далеко от Николь, пытается жестикулировать, чтобы она смогла понять его слова.

2. *Информационные нарушения* предполагают игнорирование одного из собеседников и обсуждение дел личного характера в его присутствии, в такой ситуации человек считает себя лишним и видит, что говорящие не хотят делиться с ним своими секретами.

ми. Рассмотрим пример из сериала, в котором во время Рождественского вечера Коннор предлагает матери (*Pam*) сфотографироваться возле елки с Оливером, одетым в костюм Санта-Клауса.

Connor: Here, mum. I'll take a photo of you and Oli.

Pam: Oh, love that. [Она отдает ему мобильный телефон, чтобы он ее сфотографировал. Пока мать идет к елке, Микаэла шепчет Коннору].

Michaela Check there aren't any other photos.

Connor: Why do you think I asked?

Pam: What are you guys whispering about? (How to Get away with Murder, 5 season, 13 episode).

Мать видит, что Микаэла и ее сын обсуждают шепотом какие-то дела. Ей это не нравится, о чем свидетельствует ее вопрос, прямо указывающий на нарушение.

3. К интеракционным нарушениям мы относим ситуации, демонстрирующие ухудшение отношений между людьми, когда они начинают отдаляться друг от друга.

Переход к более официальному общению

Проанализируем эпизод, иллюстрирующий нарушение соотношения приватности и публичности в отношениях между отцом и его сыном Хэнком. Отец заходит в комнату к Хэнку после похорон его матери и говорит:

"Hank, if I don't see you before you leave ... Thanks for coming... I'm sure your mother would've appreciated it... (The Judge).

Такое официальное прощание лишает Хэнка дара речи, он не может произнести ни слова. Отец уходит, не обняв сына. Официальный тон, выбор слов и грамматических структур, характерных для официальной речи, иллюстрируют гораздо большую величину коммуникативной дистанции между отцом и сыном, чем принято в семьях, члены которых близки и хорошо понимают друг друга.

Игнорирование

Рассмотрим эпизод, в котором учительница игнорирует мать одного из своих учеников, которые подошли к ней во дворе школы.

Grace Fraser: I see they're putting you to work, Jennifer. [Mrs. Hartman smiles, looks down and says nothing]. Henry (Grace's son): Hi, Mrs. Hartman.

Mrs. Hartman: Go on in.

Grace: Huh, what was that? (The Undoing, 1 season, 2 episode).

Миссис Хартман не хочет разговаривать с Грейс и демонстрирует это своим неверbalным поведением: она натянуто улыбается на приветствие и отводит взгляд. Это вызывает недоумение у Грейс, которое она передает вопросом *Huh, what was that?*, обращаясь к своему сыну.

Следует отметить, что список нарушений, рассмотренный выше, не является исчерпывающим.

Выводы

1. Конфликтные нарушения соотношения приватности и публичности в бытовом общении представляют собой нарушения коммуникативной дистанции, при которых человек испытывает эмоциональный дискомфорт, чувства недоумения, раздражения, недовольства, возмущения, злости. О том, что действия одного из коммуникантов являются нарушением, свидетельствуют как вербальные, так и невербальные реакции второго коммуниканта.
2. Мы выделяем три основные группы нарушений коммуникативной дистанции: 1) территориальные (физические) нарушения, связанные с выбором некорректной коммуникативной дистанции; 2) информационные нарушения, заключающиеся в разнообразных действиях с информацией; 3) интеракционные нарушения, имеющие место в сфере взаимоотношений между коммуникантами.
3. Нарушения коммуникативной дистанции имеют разновекторный характер, они могут быть направлены как в сторону сферы приватности, так и в сторону сферы публичности. Анализ ситуаций показал, что нарушения, вектор которых направлен в сторону сферы приватности, представлены более широко.
4. Нарушения, вектор которых направлен в сторону сферы приватности, включают следующие:
 - 1) территориальные (проникновение на территорию без ведома хозяина; нежелательный визит; злоупотребление гостеприимством; вторжение в личное пространство незнакомых людей; сокращение физической дистанции между собеседниками; пользование чужими вещами; прикосновение);
 - 2) информационные нарушения (разглядывание; наблюдение за другими людьми; преследование; подслушивание; расспросы; сплетни; разглашение информации);
 - 3) интеракционные нарушения (вмешательство в разговор других людей; навязывание своего общения; чрезмерная опека; коммуникативное давление).
5. Нарушения, связанные с увеличением коммуникативной дистанции, включают:
 - 1) территориальные нарушения (большое расстояние между коммуникантами);
 - 2) информационные нарушения (обсуждение дел личного характера в присутствии третьих лиц);
 - 3) интеракционные нарушения (переход к более официальному общению, игнорирование).
6. Нарушитель может играть как активную роль в коммуникативной ситуации (навязывание общения и др.), так и пассивную (наблюдение и др.).

7. Нарушения коммуникативной дистанции в бытовом общении могут быть намеренными и ненамеренными.
8. Анализ ситуаций показал, что о нарушении коммуникативной дистанции коммуникант сообщает прямыми способами (нарушение закреплено в значении слов) и непрямыми (при помощи намека).
9. К вербальным средствам обозначения нарушений относятся знаменательные слова, имеющие в своей семантике значения нарушений (*follow, look at* и др.), а также вопросительные слова и наречия, неопределенные местоимения и междометия. На синтаксическом уровне нарушения коммуника-

Литература

1. Волкова Т.В. Проблема разрушения приватного пространства личности: граница телесности в современной российской культуре [Текст] / Т.В. Волкова // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». — 2014. — № 3. — С. 99–109.
2. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации [Текст] / И.Н. Горелов. — М.: LIBROKOM, 2009. — 112 с.
3. Дубровченко Е.М. Коммуникативное давление как форма нарушений приватности [Текст] / Е.М. Дубровченко // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 15–16 апреля 2021 г.: в 5 ч. Ч. 2 / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол.: Н.Е. Лаптева [и др.]. — Минск, 2021. — Ч. 2. — С. 49–52.
4. Дубровченко Е.М. Трансформация коммуникативной дистанции в приватном общении [Текст] / Е.М. Дубровченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2021. — Вып. 126. — С. 69–76.
5. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений [Текст] / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.
6. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла [Текст] / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2010. — 422 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
8. Карасик В.И. Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. — М.: Гнозис, 2005. — 352 с.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
10. Основы теории коммуникации [Текст]: учебник / под ред. М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2003. — 615 с.
11. Burgoon J.K. A Communication Model of Personal Space Violations: Explication and an Initial Test // Human Communication Research. 1978-12-01. Vol. 4, iss. 2. Pp. 129–142.
12. Burgoon J.K., Hale J.L. Nonverbal expectancy violations: Model elaboration and application to immediacy behaviors // Communication Monographs. 1988-03-01. Vol. 55, iss. 1. Pp. 58–79.
13. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.
14. Kagehiro D.K., Taylor R.B., Harland A.T. Reasonable expectation of privacy and third party consent searches // Law and Human Behavior. 1991. № 15 (2). P. 121–138.
15. Kaya N., Weber M.J. Cross-cultural differences in the perception of crowding and privacy regulation: American and Turkish students. Journal of Environmental Psychology, 2003. Iss. 23. Pp. 301–309.
16. Solove D.J. A Taxonomy of Privacy, 154 University of Pennsylvania Law Review. Vol. 154. № 3. 2006. Pp. 477–560.
17. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. Vol. 4. No. 5. (Dec. 15, 1890), pp. 193–220. URL: <http://links.jstor.org/sici?doi=0017-811X%2818901215%294%3A5%3C193%3ATRTP%3E2.0.CO%3B2-C> (Accessed at 21 March 2022).
18. Westin A.F. Privacy and freedom. New York, 1967. 487 p.

References

1. Volkova T.V. Problema razrusheniya privatnogo prostranstva lichnosti: granitsa telesnosti v sovremennoi rossiiskoi kul'ture [The problem of the destruction of the private space of the individual: the boundary of corporality in modern Russian culture] // Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya», 2014. No. 3. Pp. 99–109. (In Russian).
2. Gorelov I.N. Neverbal'nye komponenty kommunikatsii [Non-verbal components of communication]. M.: LIBROKOM Publ., 2009. 112 p. (In Russian).
3. Dubrovchenko E. M. Kommunikativnoe davlenie kak forma narushenii privavnosti [Communication pressure as a form of privacy violations] // Materialy ezhegod. nauch. konf. prepdavatelei i aspirantov un-ta, Minsk, 15–16 aprelya 2021 g. / Minsk State Linguistic University; redkol.: N.E. Lapteva [i dr.]. Minsk, 2021. V. 2. Pp. 49–52.
4. Dubrovchenko E.M. Transformatsiya kommunikativnoi distantsii v privatnom obshchenii [Transformation of communicative distance in private communication] // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences, 2021. V. 126. Pp. 69–76. (In Russian).
5. Il'in E.P. Psichologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnoshenii [Psychology of communication and interpersonal relationships]. SPb.: Piter, 2009. 576 p. (In Russian).
6. Karasik V.I. YAzykovaya kristallizatsiya smysla [Linguistic crystallization of meaning]. Volgograd: Paradigma Publ., 2010. 422 p. (In Russian).
7. Karasik V.I. YAzykovoj krug: 'lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russian).
8. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G., Zubkova YA.V., Grabarova EH.V. Inaya mental'nost' [Other mentality]. M.: Gnozis Publ., 2005. 352 p. (In Russian).
9. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]. M.: Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russian).
10. Osnovy teorii kommunikatsii: ucheb / pod red. prof. M.A. Vasilikha. [Fundamentals of the theory of communication: textbook]. M.: Gardariki Publ., 2003. 615 p. (In Russian).
11. Burgoon J.K. A Communication Model of Personal Space Violations: Explication and an Initial Test // Human Communication Research. 1978-12-01. Vol. 4, iss. 2. Pp. 129–142.
12. Burgoon J.K., Hale J.L. Nonverbal expectancy violations: Model elaboration and application to immediacy behaviors // Communication Monographs. 1988-03-01. Vol. 55, iss. 1. Pp. 58–79.
13. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.

14. Kagehiro D.K., Taylor R.B., Harland A.T. Reasonable expectation of privacy and third party consent searches // Law and Human Behavior. 1991. № 15 (2). Pp. 121–138.
15. Kaya N., Weber M. J. Cross-cultural differences in the perception of crowding and privacy regulation: American and Turkish students. Journal of Environmental Psychology, 2003. Iss. 23. Pp. 301–309.
16. Solove D.J. A Taxonomy of Privacy, 154 University of Pennsylvania Law Review. Vol. 154. № 3. 2006. Pp. 477–560.
17. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. Vol. 4. No. 5. (Dec. 15, 1890), pp. 193–220. URL: <http://links.jstor.org/sici?&sici=0017-811X%2818901215%294%3A5%3C193%3ATRTP%3E2.0.CO%3B2-C> (accessed at 21 March 2022).
18. Westin A.F. Privacy and freedom. New York, 1967. 487 p.